

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 403–409
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 403–409
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-403-409>

Научная статья
УДК [94:322](470.44)|1945/1953|

«Саратовская купель»: осложнение государственно-церковных отношений в СССР в конце 1940-х гг. (на материалах Саратовского Поволжья)

Я. Ю. Гусева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гусева Яна Юрьевна, соискатель кафедры отечественной истории и историографии, YanaGuseva85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0014-5448>

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения Советского государства и Русской Православной Церкви (РПЦ) в конце 1940-х гг. на территории Саратовского Поволжья. После нескольких лет вынужденного перемирия государство вновь перешло к ужесточению религиозной политики и возобновлению активной антирелигиозной кампании. Одним из поводов послужил скандал в Саратовской области в 1949 г., связанный с массовым купанием на праздник Крещения и последующей публикацией фельетона И. Рябова в газете «Правда» под названием «Саратовская купель». Последовавшая за данными событиями антирелигиозная кампания вскрыла многократные проявления религиозности в Саратовской области как простого населения, так и представителей власти. Выяснилось, что многие участвовали в таинствах Церкви, носили кресты, оказывали посильную помощь Церкви. В результате снова началась волна административных наказаний: верующих исключали из партии, увольняли с работы. Однако полного разрыва государства с церковью не произошло, что было связано с активной внешнеполитической деятельностью РПЦ и ее участием в борьбе за мир.

Ключевые слова: взаимоотношения Советского государства и Русской Православной Церкви, Саратовская область, Саратовская епархия, фельетон «Саратовская купель», антирелигиозная пропаганда

Для цитирования: Гусева Я. Ю. «Саратовская купель»: осложнение государственно-церковных отношений в СССР в конце 1940-х гг. (на материалах Саратовского Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 403–409. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-403-409>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Saratov font”: Complication of church-state relations in the USSR in the late 1940s
(based on materials from the Saratov Volga region)

Ya. Yu. Guseva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yana Yu. Guseva, YanaGuseva85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0014-5448>

Abstract. The article reveals the relationship between the Soviet state and the Russian Orthodox Church (the ROC) in the late 1940s on the territory of the Saratov Volga region. After several years of a forced truce, the state began to tighten its religious policy again and resumed an active anti-religious campaign. One of the reasons was the scandal in the Saratov region in 1949, connected with the mass bathing on the Epiphany holiday and the subsequent publication of I. Ryabov’s feuilleton called “Saratov font” in the Pravda newspaper. The anti-religious campaign that followed these events revealed multiple manifestations of religiousness in the Saratov region of both the ordinary population and representatives of the authorities. It turned out that many people participated in the sacraments of the Church, wore crosses and provided all possible assistance to the Church. As a result, a wave of administrative punishments started again: believers were expelled from the party, fired from their jobs. But a complete rupture of relations between the state and the church did not happen, which was associated with the intense foreign policy activities of the ROC and its participation in the struggle for peace.

Keywords: the relationship between the Soviet state and the Russian Orthodox Church, Saratov region, diocese of Saratov, “Saratov font” feuilleton, anti-religious propaganda

For citation: Guseva Ya. Yu. "Saratov font": Complication of church-state relations in the USSR in the late 1940s (based on materials from the Saratov Volga region). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 403–409 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-403-409>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Период с 1941 по 1947 г. был временем более терпимого, внешне благожелательного отношения Советского государства к Русской Православной Церкви. Государственно-церковные отношения, установившиеся в годы войны, казалось, развивались в лучшую сторону. Открывались храмы, выпускались на свободу священнослужители, возрождались архиерейские кафедры. Но это была лишь видимость церковного возрождения. Так, к 1948 г. в Русской Православной Церкви числилось 14 329 храмов. Это менее 1/5 от количества храмов, действовавших до революции. Но и из этого числа Русская Православная Церковь уже имела 3 021 действующий храм в 1941 г., причем около 3 тыс. из них находились на территориях, присоединенных в 1939–1940 гг.¹

За годы войны на территориях, оккупированных Германией, было открыто 7 547² церквей, 2 491³ храм перешел к РПЦ от униатов. В результате за 1942–1947 гг. советскими властями было открыто только 1270 храмов, т. е. менее 2 % от числа храмов, имевшихся у РПЦ до прихода к власти большевиков. Из этого количества в ходе войны было открыто лишь 529 храмов. Эта цифра говорит о конъюнктурном, вынужденном характере смягчения политики И. В. Сталина по отношению к РПЦ в годы войны. Данный вывод подтверждается и данными таблицы.

Уступки советского руководства Русской Православной Церкви (восстановление патриаршества, открытие храмов, семинарий и т. д.) были вынужденными и обуславливались как неблагоприятной военной обстановкой первого периода войны, так и вытекавшими из нее важными внешнеполитическими задачами (обретение союзников). Кроме того, уступка была вынужденной реакцией власти на открытие без преувеличения огромного числа храмов и приходов, беспрепятственную религиозную жизнь на оккупированной территории¹⁷. Однако после завершения коренного перелома в ходе войны, с конца 1944 г. политика власти в отношении церкви начинает постепенно, пока еще довольно мягко возвращаться в старое довоенное русло. С выходом 28 сентября 1944 г.

постановления ЦК ВКП (б) «Об организации научно-просветительской пропаганды» начинается агитационно-пропагандистская деятельность властей, носящая антирелигиозный характер и направленная, прежде всего, против РПЦ.

Вопрос оживления религиозных настроений был поднят в Саратовской области в декабре 1946 г. на областном совещании заведующих отделами агитации и пропаганды, заведующих партийными кабинетами райкомов и горкомов ВКП (б) партии Степанидиным, заведующим отделом агитации и пропаганды Ворошиловского райкома, который говорил о том, что в личных беседах с представителями «сельской интеллигенции» проскальзывало «бахвальство», рассказы о венчании и обручальных кольцах¹⁸. Согласился с ним и секретарь обкома ВКП (б) по пропаганде и агитации М. Г. Мурашкин, добавив, что сейчас вопросу религиозного влияния в ряде случаев не придается серьезного значения, а некоторые партийные деятели считают, что раз было разрешено богослужение в церкви, то политика государства изменилась. М. Г. Мурашкин объяснил, что политика большевистской партии по отношению к религии не менялась и меняться не будет, и поэтому нельзя относиться равнодушно к религиозным вопросам. Секретарь обкома ВКП (б) по пропаганде и агитации призвал бороться за материалистическое мировоззрение, напомнив, что оружие в борьбе – решение ЦК партии о естественной-научно пропаганде¹⁹.

4 марта 1948 г. заведующий сектором парткадров обкома ВКП (б) Митяньшев докладывал М. Г. Мурашкину итоги городской партийной конференции в г. Пугачеве, на которой также был поднят вопрос о росте влияния «церковников». Так, коммунисты Аристов и Киселев в своих выступлениях на конференции 29 февраля 1948 г. приводили данные о росте «влияния церковников», о том, что церковные свадьбы, крестины участились и входят в быт и что комсомольцы допускают свадьбы в церкви. Митяньшев посетовал на то, что работа городской партийной организации по данному вопросу совершенно отсутствует,

Основные показатели благополучия Русской Православной Церкви в 1917–1948 гг.

Основные показатели благополучия РПЦ		1917 г.	1941 г.	1948 г.
Количество храмов	Всего	77 682 ⁴	3 021 ⁵	14 329 ⁶
	В Саратовском Поволжье	1 064 ⁷	0	14 ⁸
Количество священнослужителей	Всего	6 819 ⁹	?	11 846 ¹⁰
	В Саратовском Поволжье	?	0	38 ¹¹
Количество архиереев	Всего	179 ¹²	4 ¹³	70 ¹⁴
	В Саратовском Поволжье	1 ¹⁵	0	1 ¹⁶

несмотря на то, что данные сигналы заслуживают серьезного внимания и проверки на местах. По итогам доклада Митяньшева секретарю Пугачевского горкома ВКП (б) Приходько были даны жесткие указания об усилении антирелигиозной пропаганды²⁰. Таким образом, охлаждение государственно-церковных отношений становилось заметным уже в первые послевоенные годы.

18 марта 1948 г. Совет по делам РПЦ вынес последнее, позднее отмененное, постановление об утверждении принятых местными органами власти решений об открытии церквей. 25 июля 1948 г. министр государственной безопасности В. С. Абакумов подал И. В. Сталину обширную докладную, где подчеркивалась необходимость усиления репрессий против Церкви. В сентябре 1948 г. отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), возглавляемый Д. Т. Шепиловым, разработал проект постановления, которое получило название «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний»²¹.

Исследователи среди причин охлаждения государственно-церковных отношений чаще всего называют переключение внимания правительства на новый виток внутривластной борьбы, чисток и репрессий. Вновь заработала полным ходом «машина устрашения». Власти попытались обуздать выпущенные в годы войны духовные силы: национального, личного самознания, религиозного жизнеощущения²². Однако немало важными были и внешнеполитические причины.

Церковь в послевоенные годы использовалась для нейтрализации возможного сопротивления православных христиан в странах Восточной Европы, когда иерархи РПЦ убеждали руководство румынской, болгарской, сербской православных церквей не пытаться становиться в активную оппозицию коммунистическому режиму²³. Но уже к концу 1948 г. в странах Восточной Европы постепенно утвердились коммунистические режимы, в результате чего политическая целесообразность активной деятельности Русской Православной Церкви, с точки зрения сталинского режима, уже не имела смысла. Сюда же можно присоединить и провал попытки Патриаршей Церкви стать во главе мирового православия. В образах сталинского мышления Церковь снова стала помехой, поскольку оставалась несовместимой с идеологией сталинского социализма²⁴.

В 1949 г. произошло резкое обострение государственно-церковных отношений. Его началом послужила публикация в газете «Правда» от 19 февраля 1949 г. фельетона под названием «Саратовская купель» о массовом купании на праздник Богоявления в Саратове²⁵. Примечательно, что еще 6 декабря 1948 г. глава Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов разослал своим уполномоченным инструктивное письмо № 34 (№ 1135 с) с предложением о том, «чтобы на местах не чинилось препятствий к нормальному совершению богослужений в храмах, а также

крестных ходов в дни рождественских и крещенских праздников». Епископ Борис Вик после крещенских торжеств, в конце января 1949 г. сообщил уполномоченному Совету по делам РПЦ П. В. Полубабкину, что «служба и крестные ходы прошли нормально, препятствий со стороны местных органов советской власти не было».

В крестных ходах участвовало довольно много людей: в Саратове – до 10 тыс. чел., в Вольске – до 5 тыс., в Хвалынске – около 2 тыс.²⁶ Отчеты представителей государственной и церковной властей свидетельствуют о том, что реакция вышестоящих органов была для них неожиданной.

В Саратове и других районах области власти оказывали помощь в проведении праздника Крещения. В Саратове, опасаясь за состояние льда на Волге, сотрудники ОСВОДа поставили в опасных местах предупредительные вехи и по заказу священнослужителей сделали прорубь в безопасном месте и крест изо льда. Милиционеры помогая верующим ходить в прорубь и выходить из нее, потом и сами искупались²⁷. В Дергачах в день праздника верующие организовали крестный ход на воду и купание в проруби на р. Алгата. В числе купающихся были бригадир колхоза «Пятилетка в 4 года», жена председателя Петропавловского сельсовета и др. Купающимся на обратном пути были предоставлены лучшие колхозные лошади²⁸. Начальник ОРС (Отдел рабочего снабжения – организация (предприятие) государственной розничной торговли в СССР) Ртищевского района выдал напрокат священнику Ртищевской церкви 2 больших кадки для крещенского водосвятия, которые были установлены около церкви, из них верующие черпали святую воду²⁹.

Саратовские события стали предметом для разбирательства на Секретариате ЦК ВКП (б) в начале февраля 1949 г. В Саратов срочно был командирован заместитель председателя Совета по делам Русской Православной Церкви С. К. Бельшев. По итогам его поездки были составлены докладные записки в ЦК партии о положении Церкви в Саратовской области, о духовенстве Саратовской епархии, о работе уполномоченного Совета по делам РПЦ П. В. Полубабкина. Совет в предоставленных документах особо подчеркивал, что религиозный обряд прошел без нарушений существующего порядка. Несмотря на все его усилия сгладить сложившуюся ситуацию, разработчики антицерковного постановления из Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) нашли в «саратовском купании» необходимый им яркий пример «церковного мракобесия». В результате было принято постановление ЦК ВКП (б) «О массовом совершении религиозного обряда в день церковного праздника “крещения” в г. Саратове»³⁰.

В свою очередь 10 февраля 1949 г. бюро Саратовского горкома партии обсудило произошедшее и постановило отправить в отставку председателя Волжского райисполкома И. Д. Прибытка с за-

несением выговора в личное дело. Та же мера наказания постигла заведующего городским коммунальным отделом Скрябина и начальника Горосвода (городское отделение Общества спасения на водах) Т. Карамышева. Заместителю начальника городского управления милиции Комарову объявили выговор³¹.

Именно с публикации фельетона И. Рябова «Саратовская купель» антирелигиозная кампания получила большой размах не только в Саратовской области, но и в целом по стране. Фельетон послужил толчком к выходу целого ряда антирелигиозных статей воинствующего характера и принятию административных мер против духовенства и верующих. Чтобы обратить особое внимание партийных организаций на вопросы, поднятые в фельетоне, Саратовский обком ВКП (б) подготовил и направил горкомам и райкомам Закрытое письмо «О задачах партийных организаций по усилению идейно-политического воспитания коммунистов и улучшению естественной пропаганды среди населения»³².

В результате областной комитет постановил: обсудить фельетон на собраниях первичных парторганизаций; систематически заслушивать на бюро обкома отчеты об антирелигиозной пропаганде; провести районные собрания агитаторов; укрепить состав лекторских групп; проверить идейный уровень преподавания в школах. Секретарь обкома ВКП (б) А. Ключников докладывал заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Д. Т. Шепилову, что «Саратовская областная партийная организация, сделав серьезные выводы из фельетона “Саратовская купель”, приложит все силы к тому, чтобы противопоставить проискам церковников-мракобесов научную марксистско-ленинскую пропаганду, решительно улучшит дело политического воспитания трудящихся области»³³.

Во всех первичных партийных организациях области планировалось провести собрания по Закрытому письму Обкома ВКП (б). Так, например, из 119 первичных партийных организаций Балаковского района партийные собрания состоялись в 82 организациях. В Свердловском районе с 14 до 22 марта 1949 г. собрания были проведены в 43 парторганизациях, на которых присутствовали 402 коммуниста, в прениях участвовали 156 чел. В Саратове на 21 марта 1949 г. из 726 партийных организаций города обсудили закрытое письмо только 319³⁴.

На собраниях вскрывались «факты политической слепоты и потери большевистской бдительности отдельными коммунистами». Секретарь Балаковского райкома партии Сыромолот сообщал, что на закрытых партийных собраниях района текст Закрытого письма и фельетон вызвали живой интерес у коммунистов. Так, на совещаниях первичных партийных организаций Свердловского района они «выражали твердую решимость в повседневной работе приложить все

силы по преодолению религиозных предрассудков». Секретарь обкома ВКП (б) М. Г. Мурашкин доложил заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Д. Т. Шепилову, что случай, описанный в фельетоне, вызвал возмущение подавляющего большинства трудящихся Саратова и области³⁵.

События, описанные в фельетоне, и последствия, с ним связанные, обсуждались на заводах и в учебных заведениях. В частности, профессор Саратовского госуниверситета С. Г. Лехницкий говорил на партсобрании: «Я глубоко возмущен теми безобразиями, которые описаны в фельетоне, и очень сожалею, что такие факты происходят в Саратове – городе вузов. К своему удивлению я узнал, что профессор Красовская и ее муж придерживаются иного взгляда. Они считают, что появление этой статьи оскорбляет чувства верующих». Спокойнее высказался доцент кафедры русской литературы Е. Т. Павловский: «Этот фельетон не порицает сам факт освящения Иордани, а только осуждает варварский обычай купания голыми зимой в проруби». А доцент экономического института И. Ф. Ломов высказался так: «На крещение каждый год бывало купание и по поводу этого ничего не писалось, а теперь об этом написана целая статья в “Правде”. Вероятно, ставка в отношении религии стала меняться. Очень давно ничего не печаталось такого, что было бы направлено против религии». Сотрудник Вольского музея П. С. Козлов назвал фельетон «началом гонений против религии»³⁶.

Как антисоветское было расценено высказывание учительницы Базарно-Карбулакской школы, которая сказала, что статья имеет большие разногласия с Конституцией. «В Конституции говорят одно, а сами делают по-другому. Сколько я знаю, не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь заболел после купания». На заводе № 292 Министерства авиационной промышленности плановик Бурлакова высказала даже такое мнение: «Церковь сослужила полезное дело во время Великой Отечественной войны, а теперь она не нужна, поэтому и стали нападать на религию»³⁷.

Если не считать верноподданническое выступление профессора Лехницкого, больше напоминавшее донос на коллег, в остальных приведенных фрагментах выступлений их авторы, не находившиеся под влиянием сталинской пропаганды, дали довольно объективные оценки происшедшему – началу новых гонений на церковь.

После всех событий, связанных с фельетоном, в Саратовской области антирелигиозная пропаганда получила еще больший размах. Достаточно сказать, что за первое полугодие 1949 г. лекторами обкома, горкомов, райкомов было прочитано 1345 лекций на антирелигиозные темы («Марксизм-ленинизм о религии», «Происхождение и классовая сущность религии», «Как возникли религиозные обряды и праздники», «Научное предвидение и суеверия» и др.). Лекции, как

сообщалось в докладе о работе лекторской группы Саратовского областного комитета ВКП (б) за первое полугодие 1949 г., активно посещались и с интересом слушались³⁸.

Например, на заводе «Коммунист» Марковского района состоялся вечер с чтением доклада «Происхождение жизни на земле», на котором присутствовали 300 чел. В Ртищевском районе была проведена серия бесед по местному радиовещанию на антирелигиозные и естественно-научные темы, а 22 марта 1949 г. состоялось общегородское собрание агитаторов, посвященное обсуждению пропаганды естественнонаучных знаний. Отдел пропаганды Пугачевского райкома партии за февраль – март 1949 г. провел 17 лекций на антирелигиозные темы. Бюро Федоровского райкома партии выделило группу лекторов в составе 6 чел., которым было поручено подготовить доклады. С ними они начали выступать с 25 марта 1949 г.³⁹

В архиве сохранились и другие факты. В Дергачевском районе Саратовской области лекция перед Пасхой была сорвана, слушатели не появились. В церкви же, наоборот, в этот вечер было много людей. Обком ВКП (б) обвинил работников Дергачевского райкома, которые не провели должной работы с населением⁴⁰.

Главной проблемой в организации лекций на антирелигиозные темы была нехватка лекторов. На областном совещании секретарь обкома ВКП (б) по пропаганде и агитации М. Г. Мурашкин в декабре 1946 г. признался, что за годы Великой Отечественной войны «мы растеряли кадры лекторов – антирелигиозников и теперь с большим трудом их собираем. Слабо помогаем со стороны Областного лекционного бюро. Сейчас областной лекционный отдел и лекционное бюро принимают меры, чтобы возобновить работу в этом направлении»⁴¹.

Второй проблемой, как отмечается в партийных документах, был порою низкий общий и особенно идеологический уровень читаемых лекций. К примеру, лекция доцента Пумпянского на тему «Наука и религия» не удовлетворила слушателей. Лектор не подготовился и не сумел ясно изложить материал. Профессор Елпатьевский при чтении лекций на тему «Происхождение человека» не дал четкого «диалектико-материалистического объяснения вопроса о происхождении человека»⁴².

В результате изменения религиозной политики партийное бюро Балаковского района приняло решение ознакомиться с жилищно-бытовыми условиями ряда коммунистов. Партийные работники побывали в квартирах и установили, что отдельные коммунисты имели у себя иконы. Выявленные факты стали предметом обсуждения на партсобрании. На следующий день коммунисты явились в партбюро и сообщили, что «изъяли» иконы из своих квартир. Подобную акцию провела партийная организация Балаковского судоремонтного завода. Заведующий отделом партийных,

профсоюзных и комсомольских органов Обкома ВКП (б) Г. Цикин признался, что совершая такие действия, власть снова встала на путь административного управления⁴³.

Ранее в 1942 г. на 9-м пленуме обкома ВКП (б), проходившем с 13 по 16 ноября, секретарь обкома ВКП (б) П. Т. Комаров, объясняя причину улучшения государственно-церковных отношений и открытие храма в Саратове, сказал, что в ходе войны история исправила ошибки, допущенные до войны, которые состояли в «переадминистративировании»⁴⁴. Теперь власть снова предпринимала те самые административные меры, которые в 1942 г. были названы секретарем обкома ВКП (б) «ошибкой».

Однако наличие икон дома было не единственным проявлением религиозности населения. В Балаковском районе члены семей некоторых коммунистов соблюдали религиозные праздники, носили кресты, посещали церковь. Члены ВКП (б) Ворошиловского райкома при отправке сыновей в армию в ноябре 1948 г. благословляли их иконами. Случаи венчания были очень распространены во всех районах Саратовской области. На деревообрабатывающем заводе г. Пугачева некоторые работники изготавливали кресты, за что были осуждены партийным собранием. В г. Марксе верующие регулярно собирались в частных домах, которые периодически посещали священники из Саратова. В селах Красовка, Романовка, Митрофановка Федоровского района верующие устраивали моления по религиозным праздникам в домах колхозников. Жительница с. Мещановка просила разрешение властей на передачу собственного дома под молебный дом⁴⁵.

В докладной записке секретарь Свердловского райкома партии А. Логик писал, что «отдельные коммунисты не верят в силу передовой агротехники, преклоняются перед силами природы». Все дело в том, что в колхозах «Серп и молот», имени Пушкина, «7 ноября», имени Ворошилова, «Большевик» группы колхозников проводили религиозные шествия с иконами и молитвами о ниспослании дождя. Шествия по полям организовывали и в Татищевском районе⁴⁶.

В результате обсуждений религиозного положения в области на закрытых партийных собраниях выяснилось, что нередким явлением было оказание помощи церквям и священникам местными властями и организациями. Так, работники электросилового хозяйства Ртищевского района электрифицировали церковь и квартиру священника. Уполномоченный комитета заготовок установил личные отношения со священником и привез ему 2 мешка первосортной муки и две автомашины дров. Начальник дистанции сигнализации и связи установил на квартире священника телефонный аппарат, который, по указанию ГК ВКП (б), в 1949 г. был снят. А директор ресторана из первой партии поступления арбузов выдал со склада священнику 200 кг. Коммунисты и ком-

сомольцы венчались в церкви, а председатель Дергачевского райкома выделял транспорт для свадеб. Председатель колхоза «Маяк» Ворошиловского района поддерживал священников пшеном и картошкой. По этому делу райком ВКП (б) поручил провести расследование работнику Министерства государственной безопасности (МГБ)⁴⁷.

Реакция населения на изменение государственно-церковной политики была различной. В Ворошиловском районе после собрания многие коммунисты снимали иконы со стен в своих домах. Такая же реакция была и у работников Балаковского судоремонтного завода. Коммунист из партоорганизации с. Сабуровки, оправдываясь, сказал, что не знал, что коммунисту нельзя держать иконы, а если так, то я сегодня их выброшу. На следующий день с женой они сняли иконы. На собрании родители-коммунисты Ворошиловского района, окрестившие ребенка, чтобы смягчить гнев властей, заявили, что сделали это по настойчивому требованию своих родителей. «Мы не знали, что из себя представляла церковь, никогда в ней не приходилось быть, в Бога не верили», – добавили они. Учитывая, что родители являлись стахановцами, за крещение ребенка им объявили лишь строгий выговор с занесением в личное дело. Коммунисты очень часто оправдывали наличие икон в своем доме таким образом: этого требуют их пожилые родители⁴⁸.

Между тем некоторые люди под напором районной администрации не меняли своего отношения к религии. Например, в партоорганизации колхоза им. Ворошилова кандидат в члены ВКП (б) с 1946 г. сказал: «У меня жена верит в Бога, дети мои носят кресты, я не хочу расстраивать семейную жизнь, поэтому прошу исключить меня из кандидатов в члены ВКП (б)». А кто-то просто сомневался и не знал что делать. Заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ворошиловского райкома партии Боганов сообщал, что некоторые коммунисты Ворошиловского района проявляют «малодушие и боятся снять иконы своими руками»⁴⁹.

Факты проявления религиозности снова стали преследоваться властями. Иногда верующие отделялись «легким испугом». Случаи крещений, венчаний становились предметом обсуждения на закрытых партийных собраниях, но часто верующих исключали из партии. Так, был исключен бывший председатель колхоза им. Ворошилова за крещение своих детей. Венчавшиеся в церкви работники механического завода Пугачева комсомольцы были также исключены из комсомола. Работник этого же завода за приверженность вере был уволен с работы⁵⁰.

В результате изменения религиозной политики вновь актуальным стал вопрос об атеистическом воспитании школьников. Выяснилось, что ученики железнодорожного училища Ртищевского района ходили на Крещение за святой водой. Ученики младших классов Свердловского

района славляли Рождество и Пасху, а некоторые пионеры перестали носить галстуки. На закрытом собрании коммунистов педучилища Пугачева отмечалось, что на некоторых уроках не велась антирелигиозная пропаганда, отдельные учащиеся носили кресты, на уроках пения делались сравнения с церковным пением. На собрании требовали развернуть естественнонаучную пропаганду не только среди учащихся, но и их родителей, которые якобы заставляли своих детей соблюдать посты и носить нательные крестики⁵¹.

В результате ужесточения религиозной политики в школах Федоровского, Балаковского районов были организованы проверки идейного уровня преподавания биологии, географии и истории. На партийных собраниях г. Пугачева было принято решение провести во всех школах и училищах педагогические советы по вопросу развертывания естественнонаучной пропаганды среди учащихся и их родителей⁵².

История, связанная с купанием в праздник Крещения в Саратове, стала поводом для ужесточения религиозной политики не только в Саратовской области, но и в целом по стране. С 1949 г. постепенно прекращались службы вне стен храмов, отменялись крестные ходы, кроме Пасхальных, начали призывать в армию учащихся духовных школ, не имевших сана.

Неоднократные попытки первоиерарха добиться встречи со Сталиным и как-то изменить ситуацию закончились неудачей. Однако в 1949 г. И. Сталин не желал еще кардинально менять избранный курс в религиозном вопросе. Церковь была пока нужна. Важнейшей сферой приложения услуг Церкви в то время была борьба за мир. Поэтому на полный разрыв отношений с церковью государство не пошло. В последние годы жизни И. Сталина государственные органы взяли на вооружение тактику постепенного повсеместного ограничения влияния Церкви при сохранении внешне равных отношений⁵³.

Таким образом, в конце 1940-х гг. произошло существенное осложнение государственно-церковных отношений. Здесь сказалось не только начало курса на общее ужесточение репрессий против всякого инакомыслия, но и внешнеполитические обстоятельства. Термин «антирелигиозная борьба» снова вошел в обиход и получил широкое распространение, но повторения разгрома Церкви в 1930-х гг. не произошло, хотя подобная опасность не была устранена, а была лишь отодвинута на время. Новая волна так называемых «хрущевских» гонений обрушилась на все конфессии СССР уже после смерти Сталина.

Примечания

¹ См.: Ганган В. Д. Отношение Церкви и государства в период Великой Отечественной войны // Шаг в науку : материалы IV областной научно-практической конференции студентов. Смоленск : Универсум, 2004. С. 112.

- ² См.: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сборник документов / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М. : Издательство Крутицкого подворья ; Общество любителей церковной истории, 2009. С. 12.
- ³ См.: Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия : Жизнеописания и материалы к ним. Тверь : ООО «Издательский дом «Булат», 1999. С. 28.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: *Ганган В. Д.* Указ. соч. С. 112.
- ⁶ См.: *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М. : Издательство Крутицкое Патриаршее подворье ; Общество любителей церковной истории, 2005. С. 398.
- ⁷ См.: *Яковлева Ж. В.* Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2017. С. 111.
- ⁸ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594 (название фонда). Оп. 2. Д. 1761 Л. 158.
- ⁹ См.: *Хмуркин Г. Г.* Церковь и революционный террор. Очерки по статистике «гонений» в 1917–1926 гг. М. : [б. и.], 2018. С. 11.
- ¹⁰ См.: *Одинцов М. И.* Русская Православная Церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М. : Политическая энциклопедия, 2014. С. 347.
- ¹¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1380. Л. 71.
- ¹² См.: Статистика Русской Православной Церкви. URL: <https://drevo-info.ru/articles/11316.html> (дата обращения: 12.09.2020).
- ¹³ См.: *Смирнов Д. В.* Русская Православная Церковь и ее жизнь в советском государстве в годы Великой Отечественной войны // Православный собеседник. 2004. № 7. С. 60.
- ¹⁴ См.: *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 398.
- ¹⁵ См.: Гонения на Русскую Православную Церковь в Саратовском крае / сост. М. Плякин, В. В. Теплов. Саратов : Издательство Саратовской митрополии, 2012. С. 16.
- ¹⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1761. Л. 158.
- ¹⁷ См.: *Гусева Я. Ю.* Взаимоотношение Советского государства и Русской Православной Церкви в начальный период Великой Отечественной войны (на материалах Саратовского Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-403-409>
- ¹⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4895. Л. 102.
- ¹⁹ Там же. Л. 131.
- ²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 665. Л. 44.
- ²¹ См.: *Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др.* Русская Православная Церковь. XX век. М. : Издательство Сретенского монастыря, 2008. С. 406, 407, 413.
- ²² См.: *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 342.
- ²³ См.: *Митрофанов Г.* Спасибо товарищу Сталину? URL: <http://tricolor.org/history/ka/period/4/mitrofanov/> (дата обращения: 12.09.2020)
- ²⁴ См.: *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX в. М. : Республика, 1995. С. 264.
- ²⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2 Д. 708. Л. 54.
- ²⁶ См.: *Мраморнов А. И.* К 60-летию «Саратовской купели» (1949–2009). URL: // <http://www.bogoslov.ru/text/373897.htm> (дата обращения: 22. 08. 2020).
- ²⁷ См.: *Моисейченко Л. А.* Власть и церковь в послевоенные годы (1946–1953) : региональный аспект // Культура и речь Саратовского края : сборник статей и методических материалов / под ред. А. А. Демченко, О. И. Дмитриевой. Саратов : Наука, 2015. Вып. 4. С. 37.
- ²⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1008. Л. 44.
- ²⁹ Там же. Л. 24.
- ³⁰ *Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др.* Указ. соч. С. 416.
- ³¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 708. Л. 54.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Д. 1089. Л. 61.
- ³⁴ Там же. Д. 1008. Л. 54.
- ³⁵ Там же. Л. 1, 25, 54.
- ³⁶ *Мраморнов А. И.* Указ. соч.
- ³⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 963. Л. 27.
- ³⁸ Там же. Д. 1042. Л. 87, 88.
- ³⁹ Там же. Д. 1008. Л. 21, 23, 24, 27.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1042. Л. 89.
- ⁴¹ Там же. Оп. 1. Д. 4895. Л. 77.
- ⁴² Там же. Оп. 2. Д. 708. Л. 106.
- ⁴³ Там же. Д. 1008. Л. 1, 47.
- ⁴⁴ См.: *Гусева Я. Ю.* Указ. соч. С. 402.
- ⁴⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1008. Л. 2, 4, 21, 23, 26, 28.
- ⁴⁶ Там же. Л. 25.
- ⁴⁷ Там же. Л. 24, 25.
- ⁴⁸ Там же. Л. 5, 7, 10, 44, 23.
- ⁴⁹ Там же. Л. 8.
- ⁵⁰ Там же. Л. 21.
- ⁵¹ Там же. Л. 21, 24, 25.
- ⁵² Там же. Л. 21.
- ⁵³ См.: *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 344.

Поступила в редакцию 11.02.2020, после рецензирования 28.02.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 11.02.2020, revised 28.02.2021, accepted 12.04.2021